

Петрулевич Ирина Анатольевна

доктор социологических наук, доцент,
профессор Южного федерального университета
dom-hors@mail.ru

Михайлова Ольга Юрьевна

доктор психологических наук, профессор,
профессор Нижневартковского государственного
университета
dom-hors@mail.ru

Романко Оксана Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент Нижневартковского государственного
университета
dom-hors@mail.ru

Целиковский Сергей Борисович

кандидат психологических наук,
заведующий кафедрой юридической психологии
и военной психологии
Южного федерального университета
dom-hors@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу взаимосвязи уровня развития общественного правосознания и возможности формирования гражданского общества в России. Выделены основные факторы и механизмы формирования и развития позитивного правосознания, охарактеризовано состояние гражданского правосознания в современной России, сформулированы представления о психологических механизмах формирования индивидуальной социальной ответственности как необходимого внутреннего условия развития позитивного правосознания. Подчеркивается необходимость глубоко научного, междисциплинарного подхода к решению общественно-правовых и государственно-политических проблем такого уровня, как развитие общественного правосознания и формирование гражданского общества.

Ключевые слова:

гражданское общество, правосознание, деформации правосознания, инверсия правосознания, социальная ответственность.

Petrulevich Irina Anatolyevna

D.Phil. in Social Science, Professor,
Southern Federal University
dom-hors@mail.ru

Mikhaylova Olga Yuryevna

D.Phil. in Psychology, Professor,
Nizhnevartovsk State University
dom-hors@mail.ru

Romanko Oksana Anatolyevna

PhD in Psychology, Assistant Professor,
Nizhnevartovsk State University
dom-hors@mail.ru

Tselikovskiy Sergey Borisovich

PhD in Psychology,
Head of the Juridical
and Military Psychology Subdepartment,
Southern Federal University
dom-hors@mail.ru

**FEATURES OF LEGAL AWARENESS
AND PROBLEMS OF
CIVIL SOCIETY FORMATION
IN THE MODERN RUSSIA**

Summary:

The article is concerned with correlation between public legal awareness development and possibility of the civil society formation in Russia. It considers main factors and mechanisms of the positive legal awareness formation and development, describes state of the legal awareness in the current Russia, defines psychological mechanisms of the individual social responsibility as an essential inner precondition of the positive legal awareness development. The authors emphasize the necessity of the deep research and interdisciplinary approach to resolve such socio-legal and state political issues as development of the public legal awareness and formation of the civil society.

Keywords:

civil society, legal awareness, legal awareness deformations, legal awareness inversion, social responsibility.

Весьма неоднозначные результаты долговременных и разнонаправленных социально-политических преобразований в современной России убеждают в насущной необходимости кардинального изменения правовых и социально-психологических условий формирования гражданского общества. При этом правовая система государства должна гарантировать возможности и права всем членам общества для реализации своих законных интересов и социальной активности, обеспечения достойного уровня и качества жизни, а социально-

психологический климат в обществе должен способствовать формированию массового позитивного правосознания.

При всем многообразии исторически сложившихся видов общественного и государственного строя гражданское общество образуют три признака: наличие или отсутствие гражданских прав и свобод; возможность участвовать в делах государства (в той или иной форме), возможность реализовать и защищать свои интересы вне и помимо государства [1].

В гражданском обществе в качестве главного механизма регуляции общественной жизни выступают ценности и образцы культуры, то есть, прежде всего, моральные и правовые идеалы, принципы и нормы, а также воспитанные человеком в себе «простые» гражданские качества (гуманность; порядочность, честность, доверие, ответственность и т.д.). Властные же структуры государства играют в этой регуляции хотя и важную, но все же второстепенную роль. По определению Ж.Л. Кермонна, гражданское общество складывается из множественности межличностных отношений и социальных сил, которые объединяют составляющие данное общество мужчин и женщин без непосредственного вмешательства и помощи государства [2].

Одна из основных форм социального регулирования – правовое регулирование, которое обеспечивает необходимую упорядоченность жизнедеятельности общества и государства. Происходящие в стране социально-экономические и социально-политические изменения легитимируются в правовых институтах и актах, которые определяют реорганизацию правового пространства общества.

Процессы формирования гражданского общества и правовой государственности в России невозможны без соответствующего уровня правосознания, высокого статуса правовых ценностей, что и определяет чрезвычайно важную роль правового сознания в трансформации социальной системы общества в целом.

Правовое сознание населения представляет собой не просто отражение правовой системы общества, которая реализуется в системе правового регулирования (отражение включает в себя знания, представления, оценки и пр.). Правосознание связано с отражением всей сферы правозначимых явлений. Оно включает в себя правовые ориентации, отношение к охраняемым правом социальным ценностям, отношение к праву, законности, правосудию и практике его осуществления, представления людей о правомерном и неправомерном поведении, правопорядке в данном обществе. Правовое сознание отражает и интериоризует все коммуникативные взаимодействия в их правовой и неправовой ипостаси. Поэтому в основе изучения правосознания должны лежать исследования правового поведения, которое может реализовываться как в правовом, так и во внеправовом направлении. Только анализ реального поведения людей дает представление о степени и глубине осознания ими права как регулятора отношений. В поведении мы наблюдаем как следование нормам объективного права, так и реализацию личностью как субъектом права различных юридических возможностей.

Ослабление государства как главного регулятора и организатора российского типа общественной реальности, ее сознательного начала, и одновременное усиление формально-бюрократических, коррупционных, антисоциальных сторон функционирования государственного аппарата обернулось тяжелейшими экономическими, политическими, социальными последствиями для России. Поэтому становление и развитие гражданского общества в России во многом зависит от оздоровления и укрепления российской государственности, восстановления ее правового и просоциального характера. Необходимо создание объективных предпосылок к возникновению большинства, состоящего из граждан среднего класса, то есть политически и экономически свободных членов общества, из тех, кто способен стать свободными психологически, кто способен в конечном итоге воссоздать гражданское общество, целостность национально-культурной традиции, образовать духовную общность, воспринять, развить и реализовать идею российского правового государства. И, конечно же, это большинство должно обладать развитым позитивным правосознанием.

Каковы же факторы и механизмы формирования и развития позитивного правосознания на групповом и индивидуальном уровнях?

Можно говорить, по крайней мере, о трех группах таких факторов. Первая группа включает в себя наиболее объективные факторы, порождаемые реальным состоянием, реальными процессами и результатами функционирования существующей в России правовой системы. Вторая группа факторов порождается отражением в групповом и массовом сознании факторов первой группы в виде устойчивых правовых представлений, мнений, отношений, убеждений и т.п., распространенных в различных стратах российского общества. Эти факторы субъективны с точки зрения самой правовой реальности (порождены сознанием и подсознанием групповых метасубъектов), но объективны по отношению к отдельным личностям – членам общества, гражданам государства. Наконец, третья группа факторов включает в себя психологические особенности (качества, свойства) конкретного человека индивидуального и личностного уровней, персональную историю

прожитой им жизни, пройденного биосоциального развития. Все три группы факторов сложно и разнопланово взаимодействуют между собой, и без понимания механизмов этого взаимодействия невозможно полноценное понимание и самого процесса формирования и развития позитивного правосознания.

Развернутая характеристика реального состояния правопорядка в сегодняшней России не входит в задачу настоящей статьи. Однако нам важно показать, как оно отражается в массовом правосознании россиян.

Правосознание граждан современной России характеризуется рядом признаков, которые, по сути, свидетельствуют о катастрофическом состоянии нашего общества.

Во-первых, это утрата веры в стабильность, незыблемость закона. Непрерывное изменение практически всего законодательства, внесение бесконечных поправок и коррекций в уже принятые законодательные акты приводит к укоренению представлений о полной произвольности законов, что определяет и отношение к праву в целом. К тому же, за происходящими в законодательстве изменениями трудно следить даже специалисту, не говоря уже о среднестатистическом гражданине.

Во-вторых, непризнание социальной справедливости существующих законов. Это способно снизить действенность самых лучших социальных принципов, от которых наше законодательство к тому же еще весьма далеко. Здесь надо отметить два момента. Прежде всего подчеркнем, что социальная справедливость определяется как соотношение между социальными достижениями (возможностями для самореализации личности в данных общественных условиях) и социальными задачами, требующими своего решения, для достижения социальной гармонии. В условиях, когда социальные достижения уменьшаются, а число социальных проблем растет, у граждан возникают сомнения в разумности социально-правового устройства общества.

Кроме того, представления о справедливости законов связаны с тем, насколько те направлены на удовлетворение ожиданий широких масс в сфере правового регулирования социальных отношений. В итоговой резолюции пятой Всероссийской конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: пятилетние итоги и перспективы конституционного партнерства» отмечалось, что «институты гражданского общества максимально заинтересованы в том, чтобы принимаемые законы отвечали потребностям различных групп населения» [3]. Между тем проведенные мониторинги правового пространства и правоприменительной практики в современной России свидетельствуют о том, что как широкое население, так и эксперты убеждены в узкогрупповой адресности принимаемых российских законов. Так, экспертиза 18 российских законов показала, что большинство населения либо существенно теряли, либо ничего не приобретали в результате принятия этих законопроектов.

И, наконец, в-третьих, повальное неверие в реальную действенность принятых законов, беспристрастность и эффективность органов правоприменения. Примером тому может служить целый ряд протестных акций и митингов, прошедших в октябре-ноябре 2011 г. в Брянске. Поводом для них послужило дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погибла трехлетняя девочка, а ее мать с тяжелыми травмами попала в больницу. Надо заметить, что реальных причин для протеста именно в этом случае не было. По словам главы пресс-службы Управления МВД России по Брянской области Светланы Кокотовой, в год было зафиксировано 112 аварий с участием детей, которые не вызвали никакой общественной реакции. Город «взрывался» протестными акциями из-за распространившегося слуха о том, что у девушки – виновницы ДТП – влиятельный отец и высокий покровитель из силовых структур, которые помогут ей уйти от ответственности. Реальной причиной, заставившей людей выйти на улицу, стало не «желание свести счеты с кем-то более богатым или успешным» [4], а убежденность в избирательности российского правосудия и требования справедливости.

Справедливость отражает оценку соотношения распределения блага и зла между такими явлениями, как права и обязанности, деяние и вознаграждение, преступление и наказание и пр. Убежденность в избирательности российского правосудия подкреплялась и еще рядом аналогичных дел, которые власти пытались замаять. Например, беспрецедентный приговор по громкому делу дочери иркутского главы избиркома Анны Шавенковой, сбившей на тротуаре двоих женщин, одна из которых скончалась. Шавенкова хоть и была приговорена к трем годам лишения свободы в колонии-поселении, но с отсрочкой исполнения на 14 лет!

Все эти факторы в конечном счете приводят к изменению индивидуального и группового правосознания, проявляясь в негативном отношении к охраняемым правом социальным ценностям, правовым институтам и отношению к праву, законности, правосудию в целом. В научной литературе говорят о деформациях правосознания.

Деформациям правосознания, в том числе на современном этапе, посвящено много работ криминологов (А.И. Долгова, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.Р. Ратинов и др.). Деформация (от лат. *deformatio* – искажение) правового сознания предполагает некоторый изначальный за-

пас правовых по своей природе взглядов, знаний, установок, которые в силу различных причин превратились в какие-то иные, неправовые конструкции или остались правовыми лишь номинально или частично.

В правовой литературе деформации правосознания рассматриваются как социальное явление, имеющее свой генезис, содержание, формы и способы проявления. Надо отметить, что хотя деформации правосознания рассматриваются в научной литературе как явление социальное, однако их специфика анализируется преимущественно на уровне индивидуального правосознания.

Традиционно в научной литературе выделяются несколько распространенных форм деформации индивидуального правосознания.

Правовой инфантилизм рассматривается как наиболее мягкая форма искажения правового сознания. Он заключается в несформированности, недостаточности правовых знаний, установок, определенных пробелах правосознания населения и широко распространен. При этом имеется в виду не столько неполнота правовых познаний граждан, сколько пробелы в главном, когда из целостной системы выпадают существенные ее элементы и прежде всего позитивное отношение к закону и другим правовым ценностям [5].

Правовой нигилизм, по мнению многих авторов, является наиболее распространенной и укоренившейся формой деформации правосознания населения. Явление правового нигилизма рассматривается как осознанное игнорирование требований закона, исключаящее, однако, преступный умысел. Указание на преступный умысел здесь необходимо для того, чтобы отграничить правовой нигилизм от других форм деформации, находящихся уже за пределами сферы права как такового. По нашему мнению, игнорирование закона с преступной целью, а также преступное законодательствование и т.п. – явления, которые представляют собой самостоятельные формы деформации правосознания.

Одни ученые определяют правовой нигилизм как активную противоправную тенденцию личности (И.И. Карпец, А.Р. Ратинов). Другие говорят о таком уровне дефектности правового сознания, который характеризуется нигилистическим отношением к праву в целом, убеждением, что руководствоваться надо не правом, а своими желаниями и интересами (А.И. Долгова). Третьи указывают, что правовой нигилизм проявляется в полном неверии в потенциальные возможности права (В.А. Туманов).

Отрицание того, что требует закон, может происходить как в скрытой, так и открытой форме, и мотивироваться в каждом отдельном случае самыми различными соображениями.

Самой тяжелой формой деформации правосознания граждан считается феномен его «перерождения». Природа этого опасного явления принадлежит одновременно к числу и самых сложных с исследовательской точки зрения.

По мнению автора [6], «перерожденческое» сознание следует рассматривать как крайнюю степень искаженного, дефектного правосознания или же как явление, хотя и находящееся за пределами последнего, но где-то совсем рядом с ним. Перерождение во многих своих чертах сходно с правовым нигилизмом. И в том, и в другом случае правовое начало сознательно отрицается, игнорируется. Однако, как показывает практика, отрицание отрицанию рознь. От правового нигилизма в чистом виде перерожденческое правосознание отличается не только степенью общественной опасности, но и мотивацией. Перерожденческое правосознание основано на сознательном отрицании закона по мотивам корысти, жестокости, алчности и т.п. Основной формой «перерождения» правосознания индивидов считается совершение ими различных преступлений.

Надо заметить, что в данном контексте вызывает сомнение сам термин «перерождение». В русском языке это понятие означает утрату прежних ценных свойств, ухудшение [7]. То есть предполагается, что исходно субъект имел развитое позитивное правосознание, ориентированное на правовые нормы, ценности и идеалы, которое затем по каким-то причинам видоизменилось до противоположного. Вероятно, бывает и так. Однако чаще мы сталкиваемся с дефектами самого формирования правосознания как составной части социализации субъекта.

Следует констатировать произошедшую в российском правосознании инверсию отношения к праву. Инверсия (лат. *inversio* – переворачивание, перестановка) – замена человеком внешних объектов или их элементов, а также свойственных ему внутренних желаний, мотивов деятельности на другие, нередко противоположные [8].

Говоря о инверсии правосознания, мы имеем ввиду изменение его функции как регулятора поведения человека в юридически значимых ситуациях. В обыденном правосознании многих, если не большинства граждан нашей страны, реальный социальный статус человека определяется не мерой и значимостью его служения интересам общества и государства, а, напротив, тем, закон какого уровня (в том числе и уголовный) он может нарушить безнаказанно. Более того, если некто не использует свое «право» нарушить закон, он как бы «утрачивает» или «роняет» свой статус в глазах референтного окружения.

Фактически правосознание здесь выполняет уже не просоциальную регулятивную функцию, а функцию оценки высоты положения данной персоны над законом, ее правовой безответственности, безнаказанности. Эти оценки с готовностью усваиваются как самими персонами, так и их ближайшим окружением, что ведет к упрочению представлений о кастовом устройстве российского общества, о различной ценности жизни, здоровья, чести, достоинства, имущественных, профессиональных и других интересов представителей разных каст, и, соответственно, неравной важности защиты их гражданских и человеческих прав. Таким образом, в массах россиян широко распространяются и укореняются взгляды, обычно более характерные для закрытых прокриминальных сообществ или феодальных режимов, оставшихся, казалось бы, в далеком прошлом.

Деформации подвержены все без исключения сферы правового осознания действительности российскими гражданами. Она вторгается в область правовых знаний, которыми граждане располагают, разрушает их установки, чувства, убеждения в правовой области, проникает в содержание правового мировоззрения, в самую ткань их правовой идеологии, определяет их поведенческий выбор в самых разнообразных юридически значимых ситуациях.

Существуют попытки объяснить описанные деформации российского правосознания особенностями «русской души», «русского менталитета» и т.п., предполагая при этом их некую «надисторичность» или «врожденность». При этом сами особенности могут быть подмечены достаточно точно. Так, И.Д. Неважжай [9, с. 23] отмечает, что русское правосознание, в особенности это касается так называемого народного либо массового правосознания, является, с одной стороны, неразвитым по сравнению с западными цивилизациями, а с другой – характеризуется как расположенное на полюсах нигилизма либо идеализма в оценке роли и статуса права. А.А. Кокуев [10, т. 2] предложил использовать наряду с понятием «правовое сознание» понятие «правовой менталитет», соотнося его с понятием «национальный характер». Согласимся с утверждением автора, что российский менталитет, обусловленный глубинными социальными, этническими, религиозными и т.п. стереотипами, создает возможность (основу) для формирования того или иного типа правосознания. Согласимся и с тем, например, что для россиянина понятие «право» восходит, прежде всего, к понятию «справедливость» (в противовес «западному» менталитету, для которого исходным является скорее понятие «порядок»). Однако, во-первых, вклад в формирование правосознания современного россиянина воспринимаемой и оцениваемой им действительности, по крайней мере, не меньший, чем унаследованного им национального менталитета. Во-вторых, сам такой менталитет вряд ли следует рассматривать как результат разворачивания некой генетической программы. Он – продукт тысячелетней российской истории, тех уникальных социально-политических условий, в которых формировались и жили десятки поколений. И сегодня мы переживаем один из острых, критических периодов российской истории, который существенным образом определит ближайшие перспективы и российского менталитета, и российского правосознания, и российского общества и государства.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что сегодня следует ставить и решать не столько задачу совершенствования и укрепления гражданского правосознания в России, сколько задачу его реанимации.

Другой стороной рассматриваемой проблемы является необходимость конструктивной трактовки самого термина «позитивное правосознание», определение степени «естественности» появления у субъектов на определенном этапе их развития правосознания именно в «позитивной» форме. Довольно распространенные в литературе описания и исследования так называемых «деформаций» правосознания неявно предполагают, что, во-первых, при социализации субъекта наиболее естественным, автоматически заданным является формирование именно «позитивного», «правильного» правосознания, а, во-вторых, наблюдаемые отклонения от такой социально желательной его формы вторичны, возникают позже формирования самого правосознания, исходно – позитивного. Попробуем выяснить, так ли это?

Важно понять, каковы причины этих дефектов, являются ли они случайными, индивидуальными отклонениями от некоего «магистрального» пути развития правосознания российских граждан, либо закономерным следствием дефектов имеющейся системы воспитания и обучения, господствующей идеологии, устройства самих общества и государства.

С научной объективностью и беспристрастностью следует отвечать и на вопрос о том, насколько безусловна и однозначна сама характеристика правосознания как «позитивного» или «негативного»? Ведь то правосознание, которое с точки зрения интересов и перспектив общества выступает как «негативное» (то есть «вредное»), может быть вполне «позитивным» с точки зрения субъекта (то есть полезным для его самореализации, удовлетворения его потребностей, достижения поставленных им целей в тех деформированных общественных условиях, в которых ему выпало жить). То есть объективно асоциальная или даже антисоциальная система правовых воззрений личности, ее поведенческих установок и т.п. выглядит субъективно вполне

адекватным и закономерным результатом адаптации к сложившейся социальной, политической, экономической, правовой среде. Разумеется, в сказанном нет ни грана морального одобрения таких вариантов развития правосознания, но в задачи научной социологии и психологии моральные оценки и не входят. Вместо этого должна решаться задача выявления тех ключевых условий и факторов, которые обеспечили бы достаточно надежное воспроизведение в масштабах поколений варианта гражданского правосознания, наиболее соответствующего текущим интересам и перспективным целям российского социума.

Для решения этой задачи необходимо обратиться к коренным психологическим и социально-психологическим механизмам формирования индивидуального правосознания. Не имея возможности в рамках данной статьи произвести подробный и всесторонний анализ этого вопроса, ограничимся лишь одним его аспектом, а именно – взаимосвязи правосознания как социально-психологического новообразования, ответственности как личностного свойства и социальной девиантности как поведенческой характеристики субъекта.

«Негативное» в социальном смысле правосознание представляет собой актуальную научную и практическую проблему прежде всего потому, что становится одной из главных внутренних причин негативных поведенческих девиаций разного уровня и типа – от малозначимых административных правонарушений до экстремистского и криминального поведения [11]. Однако в девиантологии до сих пор существуют представления о релятивности самого феномена отклоняющегося поведения, что существенно затрудняет понимание его сущности и происхождения. В публикации С.Б. Целиковского [12, т. 3, с. 310] предложено при анализе выделять следующие три компонента, взаимодействие которых образует феномен девиации безотносительно его конкретного содержания:

- «девиант» – человек, проявляющий определенное поведение;
- «норма» – социальное ожидание или требование, содержащее критерии оценки такого поведения;
- «квалификатор» – другой человек, группа или социальный институт, оценивающие поведение и реагирующие на него.

Абстрагируясь от содержания конкретных норм, можно квалифицировать данный акт поведения как девиантный, если факт отклонения от «нормы» признается «квалификатором». Автор подчеркивает, что в поведенческих девиациях всегда проявляется определенное отношение «девианта» и к «норме», и к «квалификатору». Социально-психологическая природа «девиантности» может быть понята, если проследить происхождение и раскрыть содержание этих отношений, которые возникают лишь на определенном этапе личностного развития и социализации субъекта. При этом отношение к «квалификатору» онтогенетически предшествует отношению к «норме», полноценные представления о которой как необходимом условии жизни в обществе присущи лишь сложившейся личности.

Сначала именно «квалификатор» (родитель, учитель, другой взрослый и т.д.) выступает не только как тот, кто знает «норму» и следит за ее соблюдением, но и как источник самой «нормы». Постепенно формирующееся отношение к другому как к «квалификатору» лежит в основе перехода от «принципа удовольствия» к «принципу реальности» как важнейшего этапа социализации. «Квалификатор» играет важную опосредствующую роль при столкновении ребенка и с предметной, и социальной реальностью.

Уже на этом этапе личностного развития «на сцену» выступает отношение субъекта к внешнему миру и себе, обозначаемое термином «ответственность». Появляется ответственность перед собой, когда неверное обращение с объектами, несообразное их свойствам, может лишить удовольствия, вызвать страдание, травму, потерю. Появляется ответственность перед «квалификатором», могущим наказать за неправильное поведение. Эти два вида ответственности, порождаемые отношениями с предметной и микросоциальной реальностью, уже в раннем возрасте побуждают ребенка к элементарному прогнозированию последствий своего поведения и его простейшей саморегуляции. Однако пока речь идет об ответственности, как характеристике поведения – такого, которое позволяет избегать наказаний. До ответственности, как личностного свойства, пока еще далеко.

Автор показывает, что последовательный переход в развитии системы саморегуляции поведения субъекта от гедонистического к гомеостатическому и прагматическому вариантам «постулата сообразности» (по В.А. Петровскому) еще не означает смены внутренней позиции субъекта с эгоцентрической на просоциальную. Нормы и квалификаторы все еще рассматриваются им как часть реальности, чьи свойства нужно учитывать, чтобы использовать в своих интересах. В ситуациях, где нарушения норм не обнаружат или за него не накажут, нормы просто игнорируются. По сути дела, только формирование внутреннего конструкта «норма» как автономного императива в поведении, не связанного жестко с вероятностью внешнего наказания за нарушение, дает основание констатировать наличие личностного свойства «ответствен-

ность». Характерно при этом, что случающиеся отклонения собственного поведения субъекта от «нормы» получают мощное и закономерное отрицательное подкрепление внутреннего происхождения – в форме переживаний «вины», «стыда» и т.п. [13, т. 1].

Включение «принципа нормы» в саморегуляцию поведения субъекта означает подчинение новому постулату – «выгоды для других». Вначале – «близких, значимых других». Но генерализация «нормы как императива поведения» невозможна, если в этот постулат не будут включены «другие» как общество в целом, если свое поведение субъект не станет соотносить (без внешнего принуждения!) с интересами того метасубъекта, частью которого он является.

Таким образом, личностное свойство «ответственность» трактуется как способность и стремление личности регулировать свое поведение в соответствии с требованиями, ожиданиями и интересами социума без внешнего принуждения, а значит, как ответственность социальная. Понятно, что развитие такого личностного свойства у субъекта – необходимое условие формирования у него развитого позитивного правосознания. Понятно также, что воспитание так понимаемой ответственности плохо совместимо с доминирующей ныне в российском обществе идеологией индивидуализма и потребительства. Формирования ответственных личностей как массового явления, как социальной нормы без коррекции идеологической парадигмы не достичь. А без этого вряд ли возможна и эффективная профилактика многочисленных негативных социальных девиаций – от мелкого хулиганства до коррупции в «высших эшелонах власти», и формирование полноценного гражданского общества.

Заметим, что и в юридической литературе наблюдается проявление интереса к так называемой «позитивной юридической ответственности» [14], которая иначе называется «проспективной», связывается с социальной ответственностью и понимается как «добровольная форма реализации юридической ответственности, представляющая собой юридическую обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями правовых норм». Указывается, что «юридическая ответственность не может опираться лишь на принудительную силу государства, а обеспечивается в том числе и путем убеждения». То есть – формирования гражданской ответственности как личностного свойства.

В заключение подчеркнем, что масштаб и многогранность рассматриваемой в настоящей статье проблемы определяют необходимость мультидисциплинарного подхода к ее исследованию и решению. В настоящее время сформировались все предпосылки для инициативного включения социологов и психологов в проработку на профессиональном уровне ключевых общественно-правовых и государственно-политических проблем, и, в частности, проблемы формирования позитивного общественного правосознания и гражданского общества. Игнорирование научных знаний и моделей в этой области, продолжение практики принятия решений на основе так называемого «здорового смысла» и «вкусовщины», ситуативности и преследования узкогрупповых интересов лишь загоняет такие проблемы вглубь, усугубляя их следствия и все более осложняя решение в будущем.

Ссылки:

1. Петрулевич И.А. Общность коллективных представлений правового сознания в условиях дифференциации современного российского общества: дисс. ... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
2. Политическая наука: словарь-справочник / авт. и сост.: Санжаревский И.И. Тамбов, 2012.
3. Сайт Совета Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/>
4. Супрычева Е. Расследование громкого ДТП в Брянске. 2011. URL: <http://www.kp.ru/daily/25781/2764294/>.
5. Петров В.Р. Деформация правосознания граждан России (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
6. Там же.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
8. Лейбин В. Словарь справочник по психоанализу. М., 2010.
9. Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2.
10. Кокуев А.А. Правовое сознание и правовой менталитет // Материалы IV съезда Российского психологического общества. Ростов-на-Дону, 2007. С. 114–115.
11. Михайлова О.Ю. Социальные, правовые и психологические аспекты оценки проявлений экстремизма // Противоположные идеологии экстремизма и терроризма в рамках гос. молодежной политики. Мат. конф. Ростов-н/Д., 2009, октябрь. С. 34–36.
12. Целиковский С.Б. Девиантность и ответственность личности // Материалы IV съезда Российского психологического общества. Ростов-на-Дону, 2007.
13. Романко О.А. Проблема вины и стыда в отечественной психологии // Психология XXI века. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции молодых ученых. В 2-х т. СПб., 2010. С. 50–55.
14. Носкова Е.А. Позитивная юридическая ответственность / под общ. ред. П.Л. Хачатурова. Тольятти, 2003.

References:

1. Petrulevich, IA 2009, *The generality of collective notions of legal consciousness in the differentiation of modern Russian society*, D.Phil. thesis, Rostov-on-Don.

2. Sanzharevskiy, II 2012, *Political science: the dictionary catalog*, Tambov.
3. *The Council of Federation* 2013, retrieved 18 April 2013, <<http://www.council.gov.ru/>>.
4. Suprycheva, E 2011, *Investigation loud crash in Bryansk*, retrieved 18 April 2013, <<http://www.kp.ru/daily/25781/2764294/>>.
5. Petrov, VR 2002, *Deformation of the justice of citizens of Russia (theory and practice)*, PhD thesis, Moscow.
6. Petrov, VR 2002, *Deformation of the justice of citizens of Russia (theory and practice)*, PhD thesis, Moscow.
7. Ozhegov, SI & Shvedova, NY 1992, *Dictionary of Russian language*, Moscow.
8. Leybin, B 2010, *Reference dictionary for psychoanalysis*, Moscow.
9. Nevazhzhay, I 2000, 'Types of legal culture and forms of justice', *Pravovedeniye*, no. 2.
10. Kokuev, AA 2007, 'Legal consciousness and legal mentality', *Proceedings of the IV Congress of the Russian Psychological Society*, Rostov-on-Don, pp. 114–115.
11. Mikhailov, O. 2009, 'Social, legal and psychological aspects of the evaluation of extremism', *Opposition to the ideology of extremism and terrorism in the state. youth policy. Proc. Conf.*, October, Rostov-on-Don, pp. 34–36.
12. Tselikovskaya, SB 2007, 'Deviance and responsibility of the individual', *Proceedings of the IV Congress of the Russian Psychological Society*, Rostov-on-Don.
13. Romanko, OA 2010, 'The problem of guilt and shame in the national psychology', *Psychology of the XXI century. Proceedings of the VI International scientific and practical conference of young scientists*, St. Petersburg, pp. 50–55.
14. Noskov, EA 2003, in RL Khachaturov (ed), *Positive legal responsibility*, Togliatti.